

2. Ялта.

СОВЕТСКИЙ КРЫМ

17 октября 1981 года № 199 (11394)

— Анатолий Игнатьевич, первый вопрос будет традиционным, «юбилейным» — когда вы начали писать стихи? Говорят, первые строки помнятся, как первая любовь. Не могли бы вспомнить что-нибудь из раннего?

— Родился я в Донбассе. Отец — потомственный металлург. Мне кажется, что вспыхивая над домнами, паровозные гудки вошли в меня с детства, как солнце и степь...

Написанное перед войной стихотворение, когда я был еще школьником, включено почти в каждый свой сборник.

Дует ветер, нагибая травы,
Дымом застилая россыпь звезд.
В нем — горячее дыханье плавок
И прохлада предрассветных рос.

— Вы по профессии — медик. Теме благородного труда врачей посвятили ряд книг. Вы

гестанском мединститутах. К хирургии приобщил меня профессор Антон Иванович Цанов. Он заведовал кафедрой оперативной хирургии в мединституте в Махачкале. Удивительно богатая личность. Был прекрасным специалистом, вел дневник, писал стихи.

Цанов поощрял мои литературные увлечения. Я посещал тогда литературное объединение. Любопытно, что на занятия тогда приходил Расул Гамзатов — участвовал в обсуждении рукописей, слушал. Отец — народный поэт Гамзат Цадаса не позволял ему печататься. Говорил: «Рано еще...»

Если бы я не был медиком, вряд ли появились бы документальные повести «Жить не старея», «Люди подвига», «Солнечный городок».

— Вы тяготеете к разработке военно-патриотической темы?

— Это биография моего поколения, годы, полные тяжелых испытаний. Это наивысший взлет человеческого духа,

гестанском мединститутах. К хирургии приобщил меня профессор Антон Иванович Цанов. Он заведовал кафедрой оперативной хирургии в мединституте в Махачкале. Удивительно богатая личность. Был прекрасным специалистом, вел дневник, писал стихи.

гестанском мединститутах. К хирургии приобщил меня профессор Антон Иванович Цанов. Он заведовал кафедрой оперативной хирургии в мединституте в Махачкале. Удивительно богатая личность. Был прекрасным специалистом, вел дневник, писал стихи.

рассказывал ему об элитном десанте, он внимательно выслушал и сказал: «Вот вы об этом и напишите. О массовом героизме. Это ваш долг гражданина».

Я выполнил наказ в повести «40 дней, 40 ночей».

— С Керчью в вашей жизни связано многое. В краеведческом музее города хранится ваш комсомольский билет, видите, не случайно?

— С этим билетом я высаживался с десантом на «Огненную землю» в ноябре 1943 года. Был в боях ранен, тяжело контужен. С комсомольским билетом, обгоревшим, со следами крови, буквами, размытыми морской водой, дошел до Берлина... Считаю себя кровно связанным с комсомолом. Люблю работать с молодежью. Долгие годы руководил литературным объединением на Южном берегу и клубом «Юность» при Ялтинском горкоме комсомола. И пишу о молодых...

— Мы знаем вас и как коллегу-журналиста, активно выступающего в областной и республиканской печати.

— За последнее десятилетие опубликовал более ста очерков и статей. О тружениках Крыма, о сохранении природных богатств, о выдающихся деятелях культуры России и Украины. Из газет переключался в книги очерки о Лесе Украинке, о связи А. П. Чехова с Украиной.

— И опять же, Анатолий Игнатьевич, «юбилейные» вопросы. С чем встречаете свое шестидесятилетие, каковы планы на ближайшее время?

— Недавно выпустил одно томик повестей и рассказов «Чайки над Эльтигеном». Предисловие к ней написал Василий Быков. По мнению моих коллег, книга спелась.

Собираюсь вновь обратиться к военной тематике. Повесть «Железные ворота» расскажет о студентах, ставших бойцами. Поэзию не оставляю, готовлю книгу стихов «Перелет».

Записал В. КУКОВЯКИН.

ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ

НА ДНЯХ известному крымскому писателю Анатолию Игнатьевичу Никаноркину исполняется 60 лет. Он автор шести поэтических сборников и восьми книг прозы. Ветеран Великой Отечественной войны, награжден боевыми орденами и медалями.

Творческую деятельность начал в Крыму. Вместе с П. А. Павленко и группой литераторов принимал участие в создании областной писательской организации.

Всесоюзное признание получили его произведения — драматическая поэма «Воспрянет род людской» и военная повесть «40 дней, 40 ночей».

Наш корреспондент попросил А. И. Никаноркина рассказать о своей литературной работе, поделиться планами на будущее.

как-то говорили о связи медицины и литературы, в чем вы видите их общность?

— И медицина, и литература изучают человека. Это прежде всего.

Я учился в Ростовском и Да-

ров принимал участие в создании областной писательской организации.

Всесоюзное признание получили его произведения — драматическая поэма «Воспрянет род людской» и военная повесть «40 дней, 40 ночей».

Наш корреспондент попросил А. И. Никаноркина рассказать о своей литературной работе, поделиться планами на будущее.

как-то говорили о связи медицины и литературы, в чем вы видите их общность?

— И медицина, и литература изучают человека. Это прежде всего.

Я учился в Ростовском и Да-

мужества, проявленного нашим народом в борьбе с фашизмом!

Мой долг очевидца, участника войны — рассказать о суровом времени. Уйти от этого не могу, это в крови... С каждым

Из прозаиков большое влияние на меня оказал классик-современник С. Н. Сергеев-Ценский, с которым мне посчастливилось встречаться и который помог мне в написании книги о Пирогове. А когда я

Анатолий НИКАНОРКИН

Родная земля

Там, где я родился,
Пахнет шлаком.
Пахнет гарью огненный рассвет.

Ветер, пролетающий над шлаком,
Доменными плавками нагрет.

Кажется,
С закрытыми глазами
Я смогу к заводу подойти.

Трубы,
Краны,
Искры над ковшами,
Железнодорожные пути.

А в степи — копыта,
Шкивов вращенье.

Из глубин со свистом клеть летит.

Знаю я от самого рождения,
Что такое сталь и антрацит.

Сорок первый

Проклятый год, проклятый день!

Я помню цвет червонный зарева,

И запах тола, запах гарь,

И черную людскую тень.

Старухи шли с мешками, горбясь,

Шли беженцы

Через поля.

Одной невыплаканной скорбью

Казалась отчая земля.

Но верил: в горести разлуки,
Сам бед приняв,

Перетерпев,

В сердцах людей, прошедших муки,

Рождается великий гнев.

Из фронтового блокнота

Волнами узкого пролива

Идут упрямые ветра.

Вдоль побережья молчаливо

В песок уткнулись катера.
И мы покинули траншею,
И видим в сумрачной ночи
Развалины Пантхикапея
На месте города Керчи.

В походе

Обжигает небритые лица
Ледящего ветра порыв.

Может,
Песней веселой залиться,
На минуту о всем позабыв!

Пусть буря разыгралась неистов,

Снежной пылью дороги метет.

И, ссылая

Всех мертвых на приступ,
Не смолкая, стучит пулемет.

Запевай —

И поверишь, что лето,

Что ромашкой усыпанный дол

И среди зеленеющих веток

Затерялся бревенчатый дом.

И увидишь

Над зыблущим полем,

Над болотом, где дас камыша,

Как плывут,

Будто гуси на воле,

Облака в вышине не спеша...

Это все...

Снова холод метели,

Снова стальные ветры гудят.

Лишь подтянешь ремень на шинели

Да покрепче сожмешь автомат.

Мужество

Горят разбитые причалы,
Блокада.

Голод. Нет воды.

Мы до того уже устали,
Что силы нет

Скатать бинты.

До тошноты

Пропитан воздух —

Пары эфирные, йод.

Но раненые
Под наркозом
Кричат: «Товарищи, вперед!»
И мы должны стоять,
И мы должны держаться —

Санроту

Некому сменить.

...За снагель

Я беру опять

И приступаю к операции...

Так я узнал

Цену терпению.

И если трудно мне подчас.

Я вспомню

Ночи Эльтигена

И становлюсь сильней

в сто раз.

Отчий порог

Так проходят понемногу

Раны, горе и года.

Но от отчего порога

Не отступишь никуда.

Не гора — лишь три ступеньки.

А отсюда мне видны

Города все, деревеньки,

Путь, которым шел с войны.

Город над Невой

Что дожди

И что гудящий ветер

Балтики суровой, штормовой!

Все равно

Сквозь тучи на рассвете

Я увижу город над Невой.

Не решеток кружево,

Не шпиль

Я представляю, вдруг издали,

Тысячи вокзал весь загрохотал:

Ленин говорит с броневика.

И запахнет сразу дымом,

Вздохнут золотые купола,

Вот она,
Та самая «Аврора»,
Что дворцы когда-то потрясла.

Далеко над Смольным флаги вьются,

К ним иду,

Судьбу благодаря,

Что дышу ветрами революции,

Воздухом могучим Октября!

Малахов курган

Так вот он —

Малахов курган,

Легендами, славой окутан.

Я думал:

Гора-великан,

А тут подниматься минуты.

А мне представлялся — реду.

Дым.

Ядра чугунные свищут.

Нахимов у пушки...

А тут —

В траншеях ромашки цветут.

Мальчишки кузнечиков ищут.

Я думал:

Обрушится шквал

Орудий второй обороны.

А тут,

Где наводчик стоял,

Лишь ветер.

Гранит накаленный.

Спокойная, мирная тишь,

Чуть ласточка пискнет над ухом...

Но сколько,

Курган, ты таишь

В себе непокорного духа!

Обелиск

Трудно быть обелиском:

Стоишь на ветру, коленей,

Море грохочет близко

Памятью горьких дней.

Где-то танцуют вальсы,
Чаплин смешишь в кино...

Тем, кто отвоёвался,

Думаешь, все равно!

Думаешь, там, в могиле,

Не такие, как были.

Те, кто преданно умолк,

Праха бесплодный комок!

Нет,

им по-прежнему двадцать,

Двадцать надежд

и весен,

Жаждающих целоваться

С девушками

светловолосыми.

Ринуться жаждающих в небо,

Чайкой парить в синеве.

Или с краюхой хлеба

Просто ходить по траве.

Только ребятам на волю

Путь

Много, камнем, закрыт.

...Я не хочу этой доли,

Сдвиньте тяжелый гранит!

Другу

Рассказать тебе о Донбассе!

Представляешь:

Равнины, дым,

Над поселками шумно гаснет

Солнце, красное от руды.

Тянет ветром в степи

только стая —

И услышишь ты,

Как бригады идут в глубины.

Пробиваясь через пласты.

Врубамашины гремят в забое.

Вагонетки берут подъем...

Слушай,

Слушай... И, все запомнив,

Осмотри горизонт кругом.

И увидишь —

Вдали сиянье,

Небо в зареве.

Звездоспад.

Мастера, затаив дыханье,

У горячих печей стоят.

Искры сыплются.

Сталь клокочет,

И, немолкнущий ни на час,

Продолжает свой день

рабочий

В ночь летящим огнем

Донбасс!